

Лу Суй не ответил прямо. Он медленно рассмеялся, смех становился всё громче, всё безумнее, пока у него не перехватило дыхание. А Цинь Шань стоял перед ним, и его глаза были полны горя и отчаяния.

Вокруг, кроме неутраченного свиста ветра, раскатов грома и прерывистого дыхания Лу Суя, не было слышно больше ни звука. Как будто не было засады из полицейских, готовых в любой момент вышибить дверь, не было снайперов, что целились в них издалека. Словно и впрямь остались только они вдвоём.

Глаза Цинь Шаня были налиты кровью.

— Я так сожалею, что не встретил тебя раньше.

Лу Суй горько улыбнулся:

— Чтобы успеть остановить всё это?

— Чтобы в момент твоего самого глубокого отчаяния оказаться рядом и защитить тебя.

Улыбка исчезла с лица Лу Суя.

Цинь Шань медленно закрыл глаза. Он почувствовал, как ему на переносицу что-то водрузили, и снова открыл глаза. Из-за линз лицо Лу Суя исказилось и стало размытым.

Смутным, расплывчатым, совсем как сам Лу Суй.

Сразу вслед за этим он почувствовал, как его заключили в тёплые объятия.

Мужчина прошептал Цинь Шаню на ухо:

— Прости... и спасибо тебе за всё это время — за всё.

Красное.

Повсюду красное.

Яркое, текучее, режущее глаза красное.

Цинь Шань не помнил, о чём он тогда думал. Он помнил только, что ноги у него стали ватными и полностью лишились сил. Он сделал несколько шагов, а затем падал, кубарем летя вниз по

лестнице. Поднимался и через пару шагов снова падал. И так снова и снова.

В последующие дни Цинь Шань словно застрял в этом бесконечном лестничном пролёте. Чувство бессилия, паника и растерянность — как у бродячей собаки на обочине зимой, уже почти замёрзшей насмерть.

Во снах и в редкие минуты отдыха колотящееся в страхе сердце от того внезапного толчка назад, и окровавленное тело внизу у здания, возвращались снова и снова. И это наваждение было словно цветок мака, источающий грех и соблазн, красный, ослепительно яркий до рези в глазах, манящий позабыть обо всём на свете и устремиться вслед.

Получив прах Лу Суя и его личные вещи, Цинь Шань подал заявление об отставке. Начальство заявление не подписало, вместо этого ему дали длительный отпуск, велел как следует восстановиться и привести себя в порядок. Цинь Шань ничего на это не ответил. На его губах всё время держалась улыбка, но в глазах окружающих эта улыбка казалась откровенно пугающей.

После того как Цинь Шань подал в отставку, Линь Сюнь стал приносить ему трижды в день готовую еду. Помимо лёгкой вины, его не отпускало ещё и смутное дурное предчувствие. Сначала он думал, что их командир Цинь наконец отпустил чувства, которых вообще не должно было быть. Но тот держался с невозмутимым, пугающим спокойствием — спокойствием, которое не имело ничего общего ни с пылким командиром, которого он знал, ни с влюблённым человеком, который потерял любимого.

В тот день в управлении появилось новое дело. Линь Сюнь провёл всё утро, опрашивая свидетелей, а когда купил обед и привёз его к Цинь Шаню, было уже почти два часа. Он постучал в дверь, но никто не ответил. Решив, что Цинь Шань, наверное, в спальне и не слышит, он набрал его номер — никто не взял трубку. Но Линь Сюню показалось, что из-за двери доносится, раз за разом повторяясь, звонок телефона. И его внезапно накрыло очень дурное предчувствие.

Когда несколько полицейских силой вышибли дверь, они увидели ослепительное пятно ярко-красного цвета на кафельном полу и бледное безжизненное тело, прислонившееся к дивану.

В марте, посреди зимней стужи, он, облачённый в белую рубашку, бесшумно ушёл туда, где был его любимый.

<http://bllate.org/book/13820/1219724>